



Время Ефремова

В последние годы, месяцы, недели, дни ему было очень больно. Порой так, что больно было даже на него смотреть. Но, стиснув зубы, он выкарабкивался и, казалось, вновь обретал прежнюю форму. Борода изменила его внешний облик, однако стариком стать он так и не успел. Будто загромировали для возрастной роли, а он, привыкший мгновенно пропускать роль через себя, с трудом, непривычно долго никак не мог с ней сжиться.

Звучит стерто, но Олег Ефремов действительно был эпохой в нашем театре. Он начинал, когда жили и творили корифеи отечественной сцены, много сделавшие для нее, но многое и не сделавшие в силу обстоятельств, в которые они были поставлены. Предлагаемые обстоятельства — не по Станиславскому, а по строгой регламентированности управляемого сверх искусства, жестко и жестоко, — умещались в короткой антитезе: «можно — нельзя». И вот совсем молодой человек, не достигший и тридцати, в короткую оттепельную пору совершил, казалось бы, невозможное — придумал, создал, пробил, утвердил новый театральный организм, и он стал не для одного поколения, чем-то большим, чем просто театр.

Когда возник «Современник», я учился в университете, на третьем курсе, у нас тоже существовало брожение умов, гремели бурные собрания, продолжавшиеся по несколько дней, но тем все и кончилось, как кончалось тогда многое. Моим и не только моим жизненным университетом стал «Современник». Он был соборным начинанием. Он был овеществленной идеей. Неким перекрестком между мечтой и явью. Средоточием дружеской поруки и тайно-сладким заговором посвященности.

Сегодня часто говорят о политизированности нашего общества. На самом деле все обстоит не

так. Революционный взрыв конца восьмидесятых лишь расслоил его на громкоговорящих политиков и пребывающую в летаргическом оцепенении остальную часть населения. В те срединные пятидесятые политизированности как раз не было, а вот общность страстей создавали совсем простые человеческие устремления. Высшим мерилом человеческих взаимоотношений представлялись искренность и правда.

Как никто другой, Олег Ефремов воплощал в себе и в своих артистических созданиях естество человеческого характера. Помню, еще до рождения «Современника», не зная даже, что существует такой актер Ефремов, был сражен наповал коротким эпизодом, увиденным на телеэкране: показали отрывок из спектакля Центрального Детского театра по розовской пьесе. Сколько лет прошло, но ощущаю, как тогда, этот удар электрического тока и

легкий озоновый озноб по всему телу.

Ефремов любил говорить о вольтовой дуге искусства, соединяющей сцену и зрительный зал. Считал себя убежденным последователем театральных идей Станиславского. Мог теоретизировать на эту тему сколько угодно. Но последователей и наследователей был легион. А в одну и ту же реку, как говаривали древние, дважды войти невозможно. Не удалось, думаю, это и Ефремову. Оттого ему сопутствовала удача. Он просто интуитивно ощутил, что свежие и чистые струи надо искать не вниз по течению, а в верховьях. Он нашел их в самом себе и своих товарищах по общему делу.

Сколько написано-переписано об их ночных бдениях, становлении «Современника», студийной равноправности, абсолютной слитности устремлений, но настал момент, когда общее дело дало трещину. Мхатовские стари-

ки, видя угасание своего театра, предложили возглавить его Олегу Ефремову. Это было дерзкое по тем временам предложение, и чисто по-человечески мхатовцу до мозга костей Олегу Ефремову отказаться от него было невозможно. Он всегда считал «Современник» частью общего мхатовского дела и ему казалось, что созданный им театр можно влить обратно во МХАТ, каким-то образом сосуществовая вместе.

На днях по телевизору Александр Солженицын вспомнил фразу Олега Табакова о том, что, мол, зря Ефремов ушел во МХАТ. Может, зря, а может, не зря, — раздумчиво сказал классик. Риску предположить, что вполне вероятно, подобную дилемму предстоит решать для себя и самому Табакову. И кто знает, что скажет потом театральный люд.

Волей обстоятельств я был одним из первых, кому Олег Ефремов сказал о предложении стариков. Я как сценарист делал о нем

телевизионную передачу; на Шаболовке, где только нарождалось цветное изображение, проходили непрерывные репетиционные тракты, часто они по каким-то причинам срывались, а запись можно было почему-то сделать только один раз, и монтировать пленку было невозможно. Мы продолжали общение в каком-нибудь буфете, и однажды он сказал, что вот-вот решится вопрос о его назначении во МХАТ. Честно — я был ошарашен. Не тем, что поступило такое громоздкое предложение, а тем, что он расстанется с «Современником». «Батя поймет», — сказал Ефремов, — и Кваша поймет». Сейчас с Игорем Квашой, поминая Ефремова, мы заговорили о том времени.

«Он собрал нас, — возвращается Кваша в семидесятый год, — и сказал, как отрезал, что надо идти во МХАТ — ему и нам вместе с ним. И был очень поражен, когда не встретил единодушного согласия».

На сорокалетие «Современника», в 1996 году, приехал президент Ельцин. Он начинал свою предвыборную кампанию по стране и открыл ее посещением популярного театра, откуда пря-

